

О.С. НАГОРНАЯ

РУССКИЕ ГЕНЕРАЛЫ В ГЕРМАНСКОМ ПЛЕНУ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Настоящая статья имеет целью рассмотреть условия содержания представителей военной элиты русской армии в германских лагерях военнопленных, реакцию русских генералов на свое пребывание в немецком плену, их дальнейшую судьбу¹.

Обилие ведомств, занимавшихся вопросами военнопленных в дореволюционной и Советской России, а также утрата центральных германских архивов при пожаре в Потсдаме в 1945 г. обуславливают трудоемкость архивных поисков и разобщенность источников по названной теме².

Исследование судеб военнопленных генералов затрудняет несовершенство военной статистики, значительные расхождения между немецкими и русскими, а также между дореволюционными и советскими данными.

В качестве исходных сведений о русских генералах, попавших во время Первой мировой войны в германский плен, использованы документы Ставки и Центрального справочного бюро о военнопленных, хранящиеся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА)³, а также опубликованный в 1917 г. список лиц, причисленных к Генеральному штабу⁴. Обстоятельства пребывания высших офицеров царской армии в немецких лагерях реконструированы по материалам земельных архивов Германии – Баварии (Мюнхен), Вюртемберга (Штуттгарт), Саксонии (Дрезден)⁵. Данные фонды архивов содержат предписания военных министерств по обращению с пленными, ведомственную переписку, подлинники и копии писем пленных русских генералов, результаты проводившихся среди них опросов, другие документы. Частично судьба пленных русских генералов после Октябрьской революции 1917 г. в России была восстановлена по Списку РККА за 1923 г.⁶, а также по материалам биографических

Нагорная Оксана Сергеевна – кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра культурно-исторических исследований Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск), участница исследовательского проекта "Военный опыт: война и общество в Новое время" при университете г. Тюбингена (ФРГ).

¹ Автор благодарит за помощь в работе российских и германских историков: А.Ю. Ватлина, Е.В. Волкова, М.С. Нагорную, Д.А. Седых, Р. Оверманса (ФРГ), архивистов М.С. Нешкина и Ю.В. Кирееву.

² Дополнительные архивные изыскания требует уточнение персонального состава русских генералов, побывавших в германском плену. Исследования и воспоминания, созданные в межвоенный период, обходят стороной эту тему, ссылаясь на отсутствие сведений. См.: *Каменский М.П.* Гибель XX корпуса. Пг., 1921; *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне, т. 1–2. Париж, 1939; *Урланис Б.И.* История военных потерь: войны и народонаселение Европы. Людские потери вооруженных сил европейских стран в войнах 17–20 вв. (историко-статистическое исследование). СПб., 1994.

³ Список русских генералов, находящихся в плену в Германии и Австро-Венгрии на 1 сентября 1916 г. – РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 548, л. 6–8; Материалы Центрального справочного бюро о военнопленных. – Там же, ф. 16196, оп. 3, д. 54, 75, 84.

⁴ Список Генерального штаба. Исправлен по 3.1.1917. Пг., 1917, с. 159–160. Список содержит информацию о 16 пленных генералах.

⁵ Bayerisches Hauptstaatsarchiv (далее – BayHStA); Hauptstaatsarchiv Stuttgart (далее – HStA Stuttgart); Sächsisches Hauptstaatsarchiv (далее – SächsHStA).

⁶ Список лиц с высшим военным образованием, состоящих на службе в РККА. Составлен по данным к 1.3.1923. М., 1923.

справочников участников Белого движения⁷, которые, однако, не всегда упоминают о пребывании тех или иных лиц в плену.

ТРУДНОСТИ СТАТИСТИКИ

Сравнение двух исходных документов – Списка Главного Управления Генерального штаба (далее – ГУГШ) от 1916 г. и статистических сведений, опубликованных в советском сборнике "Россия в мировой войне в цифрах", приводит к выводу о принципиальной разнице подходов к составлению сведений о военнопленных у специалистов дореволюционной и советской статистики. По данным советских источников, на 1 августа 1918 г. общее число пленных русских генералов в Германии составляло 66 человек, из которых 11 умерли и 1 досрочно возвратился на родину⁸. Список ГУГШ на сентябрь 1916 г. упоминает 3 возвратившихся в Россию генералов. Очевидно, ГУГШ в своих подсчетах учитывало и так называемых гражданских пленных – лиц, оказавшихся в Германии на момент начала войны и принудительно там задержанных. В списке ГУГШ фигурируют: генерал от инфантерии в отставке В. Цветт, находившийся на излечении от хронического нервного потрясения в немецком санатории Шлахтензее; генерал-майор в отставке Н. Иевлев, также страдавший нервным расстройством и досрочно вернувшийся в Россию санитарным поездом; причисленный к Морскому инженерному училищу генерал-лейтенант флота П. Тыртов, досрочно освобожденный из плена. Источники могут совпадать в случае командира 1-й бригады 29-й пехотной дивизии 20-го корпуса генерал-майора М.И. Чижова, попавшего в плен в Августовских лесах, перенесшего операцию по удалению аппендицита и вернувшегося в Россию 17 апреля 1916 г.

Определенные сложности представляет работа со статистическими данными в случае с командиром 249-го пехотного Дунайского полка 63-й пехотной дивизии полковника А.В. Асташева, вторично попавшего в плен при падении крепости Новогеоргиевск и в это же время за боевые заслуги получившего чин генерал-майора. В списке ГУГШ Асташев не числится, однако в документах об его героическом побеге в апреле – мае 1917 г. из лагеря Торгау на Эльбе он значится уже в новом чине.

Примечательно, что Асташев и Л.Г. Корнилов, бежавший из австро-венгерского плена в 1916 г., были единственными русскими генералами, совершившими побег из лагерей военнопленных. Наряду с Корниловым, Асташев превратился в знаковую фигуру для Союза бежавших из плена солдат и офицеров⁹, однако он не приобрел широкой популярности в обществе.

Наибольшие потери в генеральском составе русская армия понесла в сражениях при Танненберге 26–30 августа 1914 г., в Августовских лесах в феврале 1915 г. и при сдаче крепости Новогеоргиевск 19 августа 1915 г.

При окружении 2-й (Наревской) армии в Восточной Пруссии в плену оказались 16 генералов¹⁰. При окружении 20-го армейского корпуса 10-й армии в Мазурии в гер-

⁷ Рутыч Н. Биографический справочник высших чинов Добровольческой армии и Вооруженных сил Юга России. М., 1997; Волков С.В. Офицеры российской гвардии. Опыт мартиролога. М., 2002; его же. Энциклопедия гражданской войны. М., 2002; Волков Е.В., Егоров Н.Д., Куцов И.В. Белые генералы Восточного фронта Гражданской войны: биографический справочник. М., 2003.

⁸ Россия в мировой войне в цифрах. М., 1925, с. 31, 37.

⁹ Наряду с Корниловым, Асташев был почетным членом Союза бежавших из плена. – Нестерович-Берг. В борьбе с большевиками. Воспоминания. Париж, 1931, с. 13. Нестерович-Берг пишет фамилию Асташев через "о" – Осташов.

¹⁰ Командующий 13-м армейским корпусом (далее – АК) генерал-лейтенант Генштаба (ГШ) Н.А. Клюев и командующий 15-м АК генерал от инфантерии ГШ Н.Н. Мартос, командир 2-й бригады 2-й пехотной дивизии генерал-майор Г.С. Аксенов; председатель корпусного суда 13-го АК Ф.П. Войцехович; командир 36-й артиллерийской бригады 13-го АК генерал-майор А.А. фон Ден; командир 2-й артиллерийской бригады Гартунг; генерал-майор штаба 13-го АК А. Зайчик; инспектор артиллерии 15-го АК генерал-лейтенант М.Г. Мальковский; генерал-майор А.М. Малиновский; инспектор артиллерии 13-го АК генерал-лейтенант В.И. Массалитинов; начальник 2-й пехотной дивизии генерал-лейтенант И.Ф. Мингин; начальник штаба 13-го АК генерал-майор ГШ Е.Ф. Пестич; начальник 36-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А.Б. Преженцов; командир бригады 1-й пехотной дивизии 13-го АК генерал-майор А.С. Сайчук; начальник 1-й пехотной дивизии генерал-лейтенант А.А. Угрюмов; начальник 8-й пехотной дивизии генерал-лейтенант барон Е. фон Фитингоф.

манский плен попали 13 генералов¹¹. При осаде крепости Новогеоргиевск в плен сдались 17 генералов¹². Во время Лодзинской операции в ноябре 1914 г. в плену оказались 12 генералов¹³.

По статистическим данным, в германском плену умерли 11 русских генералов. Это составляло 16% от общего числа пленных генералов, что почти в три раза превышало общий уровень смертности российских военнопленных в Германии – 5,6%.

Отсутствие в начале войны обмена данными между Россией и Германией о лицах, попавших в плен, привело к тому, что среди пропавших без вести или пленных числились погибшие на поле боя. Так, в списке ГУГШ среди пленных значился генерал Епанчин, входивший в состав 8-й пехотной дивизии и участвовавший в сражении под Танненбергом. По более поздним данным, поступившим из лагеря Цвиккау через Центральное справочное бюро о военнопленных, Епанчин погиб в ходе сражения 29 августа 1914 г.¹⁴. Несоответствие наблюдается и в случае командира 2-й бригады 36-й пехотной дивизии 13-го АК генерала ГШ А.А. Калюжного, погибшего под Танненбергом в августе 1914 г., но вплоть до 1917 г. числившегося в списках пленных или пропавших без вести¹⁵.

Из попавших в руки противника генералов некоторые умерли в плену от полученных во время сражений ран: в сентябре 1914 г. скончался А. Зайчик; 15 сентября 1914 г. в Познани умер А. Сайчук; 4 октября 1914 г. в лагере Фридберг – А. Малинов-

¹¹ Командир 20-го корпуса генерал от артиллерии П.И. Булгаков; командир 2-й бригады 27-й пехотной дивизии генерал-майор А.Э. фон Беймельбург; начальник 27-й пехотной дивизии генерал-лейтенант ГШ Г.Г. Джонсон; командир 3-й сибирской артиллерийской бригады генерал-майор П. Лагунов; командир 2-й бригады 29-й пехотной дивизии генерал-майор А.А. Орел; начальник 29-й пехотной дивизии генерал-лейтенант ГШ А.Н. Розеншильд-Паулин; командир Сибирской казачьей бригады генерал-майор А.Я. Усачев; начальник 53-й пехотной дивизии генерал-лейтенант С.И. Федоров; командир 27-й артиллерийской бригады генерал-майор В.Н. Фолимонов; командир 1-й бригады 52-й пехотной дивизии генерал-майор ГШ И.А. Хольмсен; инспектор артиллерии 20-го АК генерал-лейтенант М.Д. Шрейдер; а также уже упомянутый генерал-майор Чижов. Предположительно в этом же сражении попал в плен командир 29-й артиллерийской бригады А.Н. Савич, чье имя не числится в списке ГУГШ.

¹² Комендант крепости генерал от кавалерии ГШ Н.П. Бобырь; командир Южной части крепости генерал-лейтенант Д. Авранов; командир бригады 63-й пехотной дивизии Г. Веневитинов; командир 231-го пехотного полка Т. Волошин-Петриченко; начальник штаба крепости генерал-майор ГШ Н.И. Глобачев; начальник 58-й пехотной дивизии генерал-лейтенант ГШ Л. де Витт; командир 2-й бригады 114-й пехотной дивизии генерал-майор С. Дубровский; начальник 63-й пехотной дивизии генерал-майор ГШ В.Б. фон Кольшмидт; начальник 114-й пехотной дивизии Г.Г. фон Лилиенталь; командир бригады 119-й пехотной дивизии генерал-майор князь А. Маматов; начальник 58-й пехотной дивизии генерал-майор Я.М. Офросимов; начальник 119-й пехотной дивизии генерал-лейтенант ГШ В.П. Прасалов; командир тяжелой артиллерии крепости генерал-майор М. Римский-Корсаков; начальник 114-й пехотной дивизии генерал-майор В. Салтыков; начальник бригады крепости генерал-майор М. Хабаров; командир 58-й пехотной дивизии генерал-майор П.Г. Чеботарев; командир 249-го пехотного Дунайского полка 63-й пехотной дивизии А.В. Асташев. Имена остальных шести генералов, попавших в плен в Новогеоргиевске, установить не удалось.

¹³ Начальник 6-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор ГШ В.П. Зелинский и командир 1-й бригады той же дивизии генерал-майор Л.Н. Быков. В августе 1917 г. был пленен начальник 53-й пехотной дивизии генерал-майор Г.П. Гаттенберг. Пока точно не установлено место и время пленения генерала от инфантерии В.И. фон Юрковского, командира 1-й бригады 3-й гвардейской дивизии генерал-майора К.А. Любарского, командира 1-й бригады 68-й пехотной дивизии генерал-майора В.В. Мальма, командующего 196-м пехотным Инсарским полком генерала ГШ С.В. Жукова, командира 1-й бригады 6-й пехотной дивизии генерал-майора С.П. Илинского, генерала от кавалерии А. фон Менгдена, командира 6-й артиллерийской бригады генерал-майора Ф. Семенчука, генерал-майора В. Соколова и генерал-майора С.П. Соколова. – *Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В.* Указ. соч., с. 73–74; В.М. Догадин упоминает его как коменданта Брест-Литовской крепости. – *Догадин В.М.* Вместе с Д.М. Карбышевым (воспоминания русского офицера). Архивы России. Издания и публикации. – www.rusarchives.ru/publication/karb1.shtml

¹⁴ РГВИА, ф. 16196, оп. 3, д. 84, л. 106.

¹⁵ Список Генерального штаба. Исправлен по 3.1.1917, с. 160.

ский¹⁶. От сердечных болезней скончались в плену русские генералы: А. Преженцов¹⁷ – 11 ноября 1915 г. в крепости Кенигштейн; С. Федоров – 6 апреля 1916 г. в лагере Оснабрюк; М. Шрейдер – 23 мая 1916 г.¹⁸.

УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ ВЫШЕГО ОФИЦЕРСТВА В ГЕРМАНСКИХ ЛАГЕРЯХ

Общие условия содержания вражеских пленных, в частности офицеров, были определены второй главой Гаагской конвенции 1907 г. "Об обычаях и законах сухопутной войны" (ст. 4–20). Ратифицированное странами-участницами Первой мировой войны соглашение определяло лишь общие рамки международного гуманитарного права; нечеткость правовых норм привела к их многочисленным нарушениям в ходе войны всеми воюющими странами. Согласно статье 6, офицеры, в отличие от солдат, не могли быть привлечены к работам на пленившее их государство. Конвенция предполагала также досрочное освобождение офицеров из плена под "честное слово", если это соответствовало законам пленившей их страны. В этом случае собственное правительство не имело права требовать от них действий, нарушающих "честное слово". В противном случае при повторном попадании в плен офицер терял право на обращение с ним как с военнопленным и мог быть подвергнут суду (ст. 10–12). Статья 17 предписывала выплату офицерам денежного содержания, соответствовавшего их чину. Предполагалось, что по окончании войны стороны проведут взаимные расчеты за содержание военнопленных.

Большое число военнопленных Первой мировой войны и интенсивная международная дискуссия относительно гуманного содержания пленных солдат и офицеров, в которую были активно вовлечены нейтральные державы, способствовали заключению новых соглашений между воюющими государствами. В отличие от Западного фронта, на Восточном фронте гуманитарные контакты развивались менее интенсивно. Более того, решения Стокгольмской и Копенгагенских конференций с участием деятелей российского, германского и австро-венгерского Красного Креста представители Красного Креста характеризовали как "мертворожденные"¹⁹. Однако в тематике этих встреч прослеживается общая тенденция более внимательного отношения к положению пленных, в частности генералов. В 1917 г. в Копенгагене рассматривалась возможность интернирования генералов в нейтральных странах до конца войны²⁰.

"Мы не можем отказать в почестях безоружному вражескому офицеру, сражавшемуся против нас ради исполнения долга", – гласила германская инструкция по содержанию пленных офицеров противника²¹. Пленные генералы российской армии размещались преимущественно в немецких тыловых крепостях, с началом войны переоборудованных в офицерские лагеря. По предписанию военного министерства Пруссии об "Основах содержания военнопленных офицеров и солдат в Германии" от 15 февраля 1915 г., "офицерам предоставлялось маленькое, но подходящее для этого помещение, генералы размещались в отдельных комнатах"²².

Вопреки первоначальным планам немецких военных органов, нехватка мест содержания пленных, отвечавших всем необходимым условиям, привела к размещению в одном лагере одновременно нескольких пленных российских генералов. Так, в Оснабрюке содержалось 4 генерала, в Бад-Кольберге – 5, в Кенигштейне – 6, в Нейссе – 8.

¹⁶ РГВИА, ф. 16196, оп. 3, д. 54, л. 6–8.

¹⁷ SächsHSta, 11248, Sächsisches Kriegsministerium, Nr. 7081.

¹⁸ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 548, л. 6–8.

¹⁹ Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ), ф. 3333, оп. 1-а, д. 93.

²⁰ Там же, оп. 2, д. 2, л. 102–104.

²¹ Ergänzende Bestimmungen über die Unterbringung der kriegsgefangenen Offiziere. 26.5.1915. – BayStA, Stv. GenKdo I. A.K., Nr. 2169.

²² *Hinz U.* Gefangen im Grossen Krieg. Essen, 2005, S. 94–95.

Из соображений безопасности и требований контршпионажа, немецкие военные власти осуществляли практику регулярных переводов генералов из одного лагеря в другой²³.

В соответствии с Гаагской конвенцией и по результатам переговоров с русским правительством, для пленных генералов было установлено денежное содержание 1500 руб. в год, что в пересчете на немецкую валюту составляло 3409 марок²⁴. Из данной суммы военнопленные офицеры покрывали расходы на питание, включавшее в себя пиво и легкое вино. Оставшиеся деньги выдавались им на руки для покупки в лагерных лавочках дополнительных продуктов и необходимых предметов потребления. Пленным разрешалось получать из дома посылки, в том числе запрещенные к продаже в лагере шоколад и табак. Вследствие установления английской морской блокады ситуация с питанием в Центральных державах, особенно в последние годы войны, стремительно ухудшалась, что отрицательно сказывалось не только на военнопленных, но и на местном населении. В связи с этим офицерам было разрешено заказывать продуктовые пакеты за границей. Любопытно, что немецкая сторона рассматривала пленных офицеров противника в качестве потенциальных покупателей изделий германской промышленности, прежде всего, часов и оптических приборов. Источники свидетельствуют, что пленные офицеры заказывали себе в лагеря музыкальные инструменты и коллекции дорогого охотничьего оружия, которое должно было храниться у коменданта до окончания войны²⁵.

Для организации повседневного быта предписание позволяло группе из 5–10 офицеров иметь одного ординарца той же национальности. Пример крепости Кёнингштейн (Саксония) позволяет предположить, что генералам полагался собственный денщик, при условии, что он не служил этому генералу до попадания в плен²⁶. С течением времени немецкие органы вводили в быт пленных определенные улучшения. В сентябре 1916 г. военное министерство Пруссии предписало обеспечить всех пленных генералов лампами для чтения и письма²⁷.

В отличие от пленных солдат, которые уже с начала 1915 г. начали в массовом порядке привлекаться к принудительным работам на германскую военную экономику, офицеры, в соответствии с Гаагской конвенцией, были освобождены от физического труда. Им была предоставлена возможность организовать свой досуг в виде театральных представлений и лекций на различные темы. В смешанных лагерях, где помимо русских находились офицеры из других стран, в практику вошло парное обучение языку. Для поддержания физической формы, офицеры за свой счет оборудовали теннисные корты, футбольные и гимнастические площадки.

По представлению военного министерства Пруссии, главной задачей коменданта офицерского лагеря являлось сведение к минимуму контактов пленных с охраной. В предписании были высказаны опасения, что благодаря своему образованию офицеры могли легко определить слабости в организации охраны и воспользоваться ими для организации побега или нанесения вреда немецкой экономике²⁸. Поэтому, создав внешние условия постоянного контроля, немецкая сторона отдала внутреннюю организацию жизни лагеря на откуп самим пленным. В лагерях сохранялась строгая военная

²³ Stellvert. Generalkommando, Nr. 142. Bestimmungen über die Unterbringung der Kriegsgefangenen. KMIN Dresden 15.8.1914. – SächsHSta, 11348; *Peter J.* Ein deutsches Gefangenlager. – *Süddeutsche Monatshefte*, 18.2.1921, S. 321–372.

²⁴ BayHSta, Stellv. Intendantur des III.A.K., Nr. 456, PKMIN 20.9.1916.

²⁵ Stellvert. Generalkommando, Nr. 165, Lager Doeblin, 17.12.1917. – SächsHSta, 11348; *Peter J.* Op. cit., S. 321–372.

²⁶ Überführung von russischen Offizierburschen nach dem Lager Quedlinburg. – Stellvert. Generalkommando, Nr. 142. PKMIN. 17.2.1916 SächsHSta, 11348; Российский государственный военный архив (далее – РГВА), ф. 6169, оп. 1, д. 172, л. 1.

²⁷ BayHSta, Stellv. Intendantur des III.A.K., Nr. 456, PKMIN. 4.2.1916.

²⁸ Stellvert. Generalkommando, Nr. 727. Tätigkeitsbericht der Inspektion der Kriegsgefangenenlager XII und XIX AK, Juli 1918, S. 17. – SächsHSta, 11352.

иерархия. Пленные подчинялись старшему по званию офицеру своей национальности, который представлял их интересы перед лагерной администрацией. В случае несоответствия условий содержания имеющимся предписаниям, старший офицер имел право направлять жалобы в вышестоящие организации²⁹. По личной просьбе генералов немецкие комендатуры могли изменять контингент пленных. Разрешалось размещать офицеров из одной части в одном лагере, если это могло способствовать "улучшению... нервного состояния" и если пленный офицер брал на себя расходы по транспортировке³⁰. Напротив, офицеры, не вписывающиеся в коллектив лагеря, могли, по инициативе старшего по званию, быть отправлены в другое место пребывания. Так, комендатура лагеря Бишофсверда удовлетворила прошение генерал-лейтенанта Прасалова о переводе в другой лагерь 6 офицеров "за несоблюдение лагерных порядков и нарушение интересов сообщества". В обращении признавалось, что "усилиями товарищей" указанных лиц не удалось привести "в нормальное состояние"³¹.

Пленные офицеры имели право обращаться с жалобами на неправомерное поведение лагерной администрации к представителям нейтральных держав. Роль дипломатического посредника России в Германии и защитника интересов российских военнопленных с начала войны взяло на себя посольство Испании. В случае поступления офицерских жалоб из лагерей, испанские дипломаты обращались к соответствующим ведомствам Германии с просьбой расследовать обстоятельства дела или разрешить посещение лагеря. Нужно отметить, что немецкие власти весьма болезненно относились к поддержанию репутации своей страны по соблюдению положений Гаагской конвенции. Жалобы пленных офицеров предварительно рассматривались комендатурой лагеря и военным министерством германской земли, на территории которой находился лагерь. В случае признания жалоб обоснованными, они передавались представителям Испании.

Чаще всего сообщество пленных офицеров было недовольно регулярными обысками, которые "действовали негативно и унижающе". В начале 1915 г. генерал Ключев как старший офицер лагеря Кенигштейн обратился в комендатуру крепости фон Броицему с просьбой об их отмене с учетом "корректного поведения" русских офицеров. "Если это не в компетенции коменданта я прошу передать письмо вышестоящим органам и предупредить, что на офицеров действует успокаивающе, если оно будет доведено до сведения испанского посольства", – писал Ключев³². В своей личной жалобе генерал возмущался поведением проводившей обыск охраны, которая посмела на него кричать, а после отказа повиноваться прибегла к личному досмотру. Фон Броицем был вынужден написать объяснительную записку, обосновав жесткие меры охраны попыткой группового побега шести русских офицеров. Жалоба Ключева была объявлена расследованной и не направлена в испанское посольство³³.

Аналогичные конфликты возникали и в саксонском лагере Бишофсверда, откуда пленный генерал де Витт регулярно бомбардировал обращения представителей нейтральных стран³⁴. Во внутриведомственной переписке коменданты немецких лагерей отмечали, что для пленных офицеров писание жалоб стало своего рода спортивным состязанием, с помощью которого они пытались развлечь себя и доставить неприятности лагерной администрации.

Однако поток обращений вынудил военное министерство Пруссии обратиться к комендатурам офицерских лагерей с напоминанием о необходимости строгого соблюде-

²⁹ К примеру, комендатура лагеря Бишофсверда рассматривала жалобу генерала Прасалова на длительное отсутствие богослужений в лагере: Stellvert. Generalkommando, Nr. 155, Lager Bischofswerda, 22.1.1916. – SächsHSta, 11348.

³⁰ Überführung des russischen Obersten Pjerwuschin nach Königstein. – Ibid., Nr. 142, Lager Kottbus, 8.9.1915.

³¹ Ibid., Inspektion der Kriegsgefangenenlager, 11.5.1916.

³² Ibid., 11248, Sächsisches Kriegsministerium, Nr. 6950, Kommandantur Koenigstein, 9.1.1915.

³³ Ibid., 11248, Sächsisches Kriegsministerium, Nr. 6996, Kriegsministerium, 3.8.1917.

³⁴ Ibid., Nr. 6959, Kommandantur Bischofswerda, 27.8.1917.

ния дисциплины со стороны лагерной охраны, которая иногда допускала случаи нарушения офицерского достоинства пленных. Солдатам охраны было запрещено входить без стука в комнаты пленных, курить в их присутствии. Обыски и проверки должны были проводиться только равными по рангу или вышестоящими офицерами. При личных досмотрах предписывалось соблюдать соответствующий чину такт³⁵.

Озабоченность немецкого военного командования мнением международной общественности проявлялась не только в разрешении представителям нейтральных держав посещать лагерь военнопленных, но и в попытках организовать инспекционную поездку пленного русского генерала по местам размещения солдат для составления отчета, который оказал бы "успокоительное воздействие" на русское правительство³⁶.

В связи с ростом антинемецких настроений в России обязательным условием было наличие у генерала русской фамилии. Подходящей кандидатурой казался генерал Г.С. Аксенов, супруга которого, по сведениям немецкой стороны, происходила из немецких колонистов. Аксенов, в свою очередь, был готов дать честное слово, что не предпримет попытку побега во время поездки³⁷. Однако инспекция не состоялась из-за сомнений немецкой стороны в том, что Аксенов отважится писать в Россию правду. Перлюстрированная немецкой стороной личная переписка Аксенова свидетельствовала о его нежелании или боязни посылать на родину положительные отзывы о Германии.

В ходе войны одним из способов давления на вражеское государство стали репрессии по отношению к военнопленным. С их помощью воюющие стороны пытались улучшить положение своих подданных, оказавшихся в лагерях противника. Показательно, что немецкие ведомства всегда исключали российских генералов из числа лиц, против которых организовывались репрессии. Из обширного списка хотелось бы привести два примера, когда распространение карательных мер на данную группу было бы наиболее логичным. В 1915 г., в ответ на распоряжение русской стороны снять с пленных вражеских офицеров погоны, кокарды и ордена, военное министерство Пруссии предписало те же меры против русских пленных. После объяснения причин происходящего, большинство русских офицеров подчинилось приказу. Меньшая же часть, несмотря на угрозы ареста и сокращения пайка, отказалась ему следовать, объявив, что знаки различия и награды даны царем, и никто кроме царя не имеет права их снять. Через некоторое время конфликт был исчерпан согласием русского правительства вернуть австрийским и немецким офицерам их погоны и ордена³⁸.

В 1915 г., после получения информации о привлечении пленных немцев и австрийцев к строительству Мурманской железной дороги, где тяжелый труд и недостатки снабжения привели к резкому ухудшению физического состояния пленных, немецкая сторона организовала "штрафной лагерь" Штоермоор, расположенный на болотах. В лагерь на положение солдат были переведены офицеры, имевшие в России влиятельных родственников.

Своеобразным "рудиментом рыцарства" в условиях современной войны выглядело сохранение института "честного слова офицера". Несмотря на то, что существовавшая ранее в Европе практика освобождения офицеров из плена под "честное слово" не принимать участие в данном конфликте себя изжила, в остаточном виде эта традиция продолжала существовать.

В условия содержания военнопленных офицеров были введены групповые прогулки за пределы лагеря в сопровождении незначительного количества охранников. Для участия в них офицер должен был дать письменное обязательство не предпринимать

³⁵ Ergänzende Bestimmungen über die Unterbringung der kriegsgefangenen Offiziere, 26.5.1915. – BayStA, Stv. GenKdo I. A.K., Nr. 2169; Stellvert. Generalkommando, Nr. 160, PKMIN, 8.3.1916. – SächsHStA, 11348.

³⁶ PKMIN, 6.1.1916. – BayHStA, M Kr., Nr. 1646.

³⁷ Stellv. GKdo II. b. A.K., Nr. 545, Kriegsministerium, 15.1.1916. – Ibid.

³⁸ Stellvert. Generalkommando, Nr. 158, PKMIN, 10.7.1915, Lager Bischofswerda, 3.8.1915. – SächsHStA, 11348.

попытки побега за пределами лагеря. В случае нарушения клятвы беглецу грозила смертная казнь³⁹.

Большинство русских офицеров долгое время не решались воспользоваться этой привилегией, требуя от комендатур письменного подтверждения того, что подобные прогулки являются результатом договоренности между воюющими сторонами⁴⁰. "Честное слово", данное противнику, по их мнению, выглядело бы в глазах русского правительства доказательством предательства и могло повлечь за собой репрессии по возвращении в Россию. Лишь после распространения в лагерях удостоверения начальника "Отдела эвакуационного и по заведованию военнопленными" ГУГШ генерал-майора Калишевского от 12 ноября 1916 г.⁴¹ офицеры начали в массовом порядке пользоваться этой возможностью.

Пленные генералы обычно прогуливались в сопровождении коменданта лагеря, причем иногда эти прогулки выходили далеко за рамки оздоровительных моционов в ближайшем перелеске. В 1917 г. в редакцию газеты "Дрезднер Анцейгер" поступило возмущенное письмо некой германской гражданки, которая во время осмотра одной из наиболее посещаемых достопримечательностей Саксонской Швейцарии – скалы Лилиенштейн натолкнулась на группу любующихся окрестностями русских пленных генералов в сопровождении коменданта крепости Кенигштейн. Свидетельница добавляла, что в ресторане гостиницы ее заставили подождать с заказом, так как русские генералы заказали себе обед неделю назад. Сообщение патриотично настроенной фfrau, направленное в саксонское военное министерство, было подтверждено объяснительной запиской коменданта лагеря Кенигштейн⁴².

Объектом политического воздействия немецких военных ведомств, пытавшихся насадить среди национальных меньшинств в лагерях сепаратистские настроения по отношению к России, оказались военнопленные генералы нерусского происхождения. В ослаблении лояльности пленных по отношению к имперскому правительству немецкая сторона видела гарантию своих интересов в создаваемых на оккупированных Германией территориях национальных государствах. Военнопленные офицеры и особенно генералы рассматривались германской стороной в качестве опоры национально-освободительных движений на окраинах Российской империи. Германские ведомства развили бурную деятельность, снабжая лагерь антирусской литературой и организовывая визиты представителей сепаратистски настроенной эмиграции.

Большая группа генералов отрицательно относилась к националистической пропаганде и пыталась ей препятствовать. Когда в руки генерала де Витта случайно попала агитационная литература, заказанная одним из сепаратистски настроенных офицеров-украинцев, де Витт отказался ее отдавать и во всеуслышание заявил, что ему полезно знать, о чем пишут вражески настроенные украинцы.

Германское командование делало особую ставку в организации украинского национально-освободительного движения на генерала Зелинского. После провозглашения независимой Украины Зелинский образовал в лагере Ганновер-Мюнден организацию "Громада", целью которой стало сплочение военнопленных-украинцев для поддержки Центральной Рады⁴³. По инициативе военного министерства Пруссии Зелинский распространил в лагерях призыв к офицерам украинского происхождения встать в ряды новообразованной украинской армии⁴⁴.

³⁹ Подтверждения реализации этой угрозы в отношении русских офицеров пока не найдены. Попытки побегов из-под "честного слова" были частыми. Одним из известных примеров является удачный побег М.Н. Тухачевского из лагеря Ингольштадт.

⁴⁰ Sächsisches Kriegsministerium, Nr. 6971, Doebein, 22.6.1916. – SächsHSta, 11248.

⁴¹ Ibid., Nr. 6971, Abschrift.

⁴² Stellvert. Generalkommando, Nr. 163, Saechsisches Ministerium an das Lager Koenigstein, 14.5.1917. – Ibid., 11348.

⁴³ Sächsisches Kriegsministerium, Nr. 6970, Bischofswerda, 9.2.1916. – Ibid., 11248.

⁴⁴ Stellvert. Generalkommando, Nr. 562, PKMIN, 18.2.1918; Nr. 143, PKMIN, 6.3.1918, Geheim. – Ibid., 11348.

ВИЗИТЫ РУССКИХ СЕСТЕР МИЛОСЕРДИЯ В ГЕРМАНСКИЕ ЛАГЕРЯ ВОЕННОПЛЕННЫХ

Интенсивное использование военной пропагандой воюющих государств образа военнопленных, страдающих от произвола противника, породило настоятельные требования общественности предпринять шаги для улучшения положения пленных. По инициативе российской вдовствующей императрицы Марии Федоровны и Международного Красного Креста, а также при посредничестве Красного Креста Дании в 1915 г. государства-противники на Восточном фронте договорились об обмене делегациями для осмотра лагерей военнопленных⁴⁵.

Опасения сторон, что эти инспекции могут быть использованы в целях военного шпионажа, привели к включению в состав комиссий сестер милосердия, которые казались в меньшей степени склонными к разведывательной деятельности. В целом за период войны в германских лагерях побывало 6 таких комиссий. Каждая делегация состояла из русской сестры милосердия, представителя Красного Креста Дании и сопровождающего немецкого офицера. В обязанности сестер входило проведение бесед с пленными, передача их жалоб комендатуре немецких лагерей и командованию армейских корпусов, им была доверена раздача крупной суммы денег, а также право, пусть формального, выступления в военном министерстве Пруссии. При подготовке поездки немецкие военные органы исключили из маршрута рабочие команды прифронтовых областей и агитационные лагеря. Чтобы скрыть от международной общественности и от русского правительства факты привлечения русских военнопленных к работам на военных предприятиях Германии, немецкие военные органы во время пребывания в лагере комиссии перемещали солдат, работавших на военных объектах, в другие лагеря⁴⁶.

Большинство командированных в Германию и Австрию сестер российского общества Красного Креста принадлежали к высшему обществу России. Первые их поездки сопровождались многочисленными приемами в домах местных аристократов и даже в императорском дворце. Это вызвало столь жесткую критику русской общественности, что из программ последующих делегаций светские визиты были исключены⁴⁷. Подбор состава инспекционных комиссий привлекает внимание и по другой причине. С первой делегацией в Германию отправилась Е.А. Самсонова – вдова погибшего командующего Наревской армии генерала А.В. Самсонова, которая, с согласия немецкой стороны, наряду с посещениями лагерей, занималась поисками захоронения своего мужа и последующим вывозом его останков в Россию. Во второй состав комиссий вошли сестры милосердия Де Витт и Ключева – жены генералов, содержавшихся в лагерях Бишофсверда и Кенигштейн⁴⁸.

В ходе визита военное министерство Пруссии пошло навстречу настоятельным просьбам сестры милосердия Ключевой и разрешило ей часовое свидание с мужем наедине. В качестве условия для встречи генерал должен был подписать обязательство следующего содержания: "В случае разрешения свидания с моей супругой, для свободного разговора с ней, я сим письменно отдаю честное слово на то, что не буду передавать моей супруге никаких писем или бумаг, ни от себя, ни от других военнопленных, буду разговаривать с супругой исключительно о личных и семейных делах, касающихся

⁴⁵ *Нагорная О.С.* Военный плен и гендерные стереотипы: воспоминания сестер милосердия в российской дискуссии о войне (1914–1917). – Война и общество. Самара, 2004, с. 112–119; *Нахтигаль Р.* Осмотр лагерей военнопленных в России сестрами милосердия Центральных держав в 1915 – 1917 гг. – Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. с. 83–94.

⁴⁶ Sächsisches Kriegsministerium, Nr. 7081, PKMIN, 7.7.1916. – SächsHSta, 11248; Stellv. GkDo II. b. A.K., Nr. 546, 22.6.1916, PKMIN, 14.6.1916. – BayHSta.

⁴⁷ *Нагорная О.С.* Военный плен и гендерные стереотипы, с. 112–119.

⁴⁸ Р. Нахтигаль по поводу австрийских комиссий отмечает, что "концентрация родственных связей (сестер милосердия) с содержавшимися в России пленными придавала миссии характер семейной встречи представителей старой Австрии в Сибири". – *Нахтигаль Р.* Указ. соч., с. 89.

ся только родственников мне лиц, не буду распространять между военнопленными лагеря никаких известий о военных делах или предприятиях, узнаваемых мною в течение разговора от моей супруги"⁴⁹.

Несмотря на то, что жена генерала де Витта объезжала с инспекцией другие армейские округа, "из соображений гуманности" ей разрешили изменить маршрут поездки и посетить лагерь для военнопленных офицеров Бишофсверда, где содержался ее муж. Прусское военное министерство настаивало, что "враждебность генерала по отношению к Германии не может служить для немецкой стороны препятствием для разрешения... Исключение делается для сестры, которая производит благоприятное впечатление". По той же схеме были организованы и повторные свидания.

Однако вскоре немецкие военные органы обнаружили, что посещения сестер милосердия оказывают отрицательное воздействие на военнопленных солдат. Последние после бесед со своими соотечественницами, проходившими в соответствии с международными соглашениями без свидетелей, стали в массовом порядке отказываться от работы. К тому же цензура писем генералов Ключева и де Витта к женам продемонстрировала немецкой стороне, что ни генералы, ни сестры милосердия не собираются сообщать в России о хорошем содержании военнопленных в Германии. Напротив, Ключев призывал сестер милосердия выступить с требованием прекращения взаимных репрессий, ухудшающих и без того безысходное положение военнопленных. Берлин считал бессмысленными дальнейшие реверансы в сторону русских комиссий и собирался отказать Ключевой в последнем свидании с мужем. Тем не менее, после эмоционального обращения Ключевой, что ей "невыносимо тяжело быть рядом с супругом и не иметь возможности с ним попрощаться до конца войны, а может быть и навсегда", третья встреча генерала Ключева с женой все же состоялась⁵⁰.

ПРОБЛЕМЫ ЛИЧНОГО ОБМЕНА ПЛЕННЫМИ

В ходе Первой мировой войны на Западном, а позже и на Восточном фронте были достигнуты соглашения об обмене больными пленными и инвалидами, которые по заключению международных комиссий не были способны принимать участие в войне. Для части из них было предусмотрено интернирование в нейтральных странах – Норвегии, Дании, Швейцарии⁵¹. Существовавшие правовые нормы и представления не исключали и индивидуального обмена здоровыми офицерами. Немецкие источники свидетельствуют об уникальном случае освобождения военным министерством Пруссии пленного французского офицера, которому во время совместного пребывания в госпитале немецкий капитан дал в этом клятвенное обещание⁵².

На Восточном фронте практика индивидуального обмена высшими офицерами не получила развития прежде всего из-за позиции русских военных и политических органов⁵³. При внутриведомственном обсуждении этого вопроса первоначально возобладала точка зрения, что "нужно обменивать субъективно только тех, кто представляет для нас интерес". При рассмотрении ходатайства генерала Зелинского об организации индивидуального обмена пленными, Ставка задавалась вопросом о том, "представляется ли обмен необходимым для штаба или же названный штаб заинтересован в судьбе упомянутого генерала в такой же степени, как и всеми прочими чинами нашей ар-

⁴⁹ Sächsisches Kriegsministerium, Nr. 7081, Dänisch-russische Rote Kreuz Kommission, 30.7.1916. – SächsHStA, 11248.

⁵⁰ PKMIN, 1.8.1916. – Ibid.

⁵¹ В ходе войны в порядке обмена инвалидами в Россию вернулись из плена 37 295 человек. – Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне, т. 1, с. 173.

⁵² Intendantur der militärischen Institute, Nr. 228, Bayerisches Kriegsministerium, 17.2.1915. – BayHStA.

⁵³ Нагорная О.С. Стигма предательства: русские военнопленные Первой мировой в восприятии военного командования и государственных институтов (1914–1917). – Проблемы российской истории, № 1. Магнитогорск, 2006, с. 289–308.

мии, томящимися в плену во вражеских странах". После длительной переписки с ГУГШ был сделан вывод, что "никакой необходимости" в приложении усилий для обмена генерала Зелинского нет, поэтому его прошение было отклонено⁵⁴.

В целом же на позицию российской стороны по данному вопросу повлиял простой арифметический расчет и представление о "невыгодности" подобного рода обменов: "пленных германских генералов у нас вовсе нет, почему пришлось бы освободить двух или трех штабных офицеров, каковых у нас всего 15 человек". Иначе мог быть решен вопрос об обмене пленных, содержащихся в австрийских лагерях, ведь "при условии нахождения у нас гораздо большего числа пленных офицеров австрийцев, чем наших в Австрии, личный обмен для нас выгоден". Однако и в этом случае процедура не была согласована, так как подавляющее большинство представителей командования, ссылаясь на "высочайшее указание о нежелательности личных обменов военнопленными с Германией", определило предполагаемые переговоры по вопросу обмена как "унижение перед немцами" и "раздачу авансов", о чем "не могло быть и разговора"⁵⁵.

После Февральской революции 1917 г. и заявления представителей новых российских властей о перемене политики по отношению к русским военнопленным, на имя высших государственных чиновников стали поступать многочисленные обращения родственников и заинтересованных лиц с просьбой разрешить, наконец, индивидуальный обмен пленных высших офицеров. Особую активность проявляла жена военнопленного генерала де Витта, писавшая о плачевном состоянии здоровья своего мужа. В качестве доказательства она приводила фрагмент из его письма: "Про себя мне писать нечего, еще до сих пор я ни разу не смог даже пойти гулять вне казармы, при теперешнем положении конечно говорить о здоровье и самочувствии не приходится, вся надежда на то, что скоро сделаешься такой калекою, что и свободная Россия признает, что ты заслуживаешь право на внимание. Но для этого я еще недостаточно созрел"⁵⁶. ГУГШ в очередной раз сослалось на тот факт, что "с Германией не производится личных обменов военнопленными и не допускаются единичные соглашения о взаимном интернировании лиц". Дело об обмене было прекращено до получения сведений о переосвидетельствовании де Витта врачебной комиссией⁵⁷.

Живое участие в судьбе пленного российского генерала-аристократа приняла герцогиня Мекленбургская, пытавшаяся со своей стороны инициировать его освобождение из плена на основании "тяжелой глазной болезни" де Витта. Прусское военное министерство, переправлявшее просьбу герцогини в комендатуру лагеря, торопило соответствующие органы с ответом⁵⁸. Эти усилия, однако, не увенчались успехом, так как вместе с другими попытками освобождения де Витта вызвали подозрение германских военных властей в том, что "русская сторона всеми средствами пытается добиться его освобождения". В окончательном вердикте немецкой врачебной комиссии отмечалось, что свидетелей заявленных обмороков генерала выявлено не было. Хорошее состояние здоровья де Витта подтверждалось, по мнению врачей, "его регулярной игрой в теннис на лагерных кортах"⁵⁹.

МОДЕЛИ ПОВЕДЕНИЯ В ОФИЦЕРСКИХ ЛАГЕРЯХ

В отличие от пленных солдат, для офицеров в германском плену был характерен более медленный процесс трансформации ценностных представлений и выработки новых поведенческих моделей. В качестве причин можно назвать почтительное отношение к ним немецкой стороны, вынужденное бездействие, осознание невозможности

⁵⁴ РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 548, л. 30.

⁵⁵ *Нагорная О.С.* Стигма предательства, с. 289–308.

⁵⁶ Обращение жены генерала де Витт от 29.12.1917. – РГВИА, ф. 2003, оп. 2, д. 553, л. 4.

⁵⁷ Там же, л. 3.

⁵⁸ *Sächsisches Kriegsministerium*, Nr. 6972, PKMIN, 13.12.1916. – *SächsHSta*, 11248.

⁵⁹ PKMIN, 9.7.1917, *Bischofswerda*, 25.7.1917. – *Ibid*.

дальнейшего участия в войне и опасения за свою судьбу после возвращения в Россию. Существовавшее в России отношение к плену как к предательству вынуждало пленных офицеров искать оправдание своим действиям и предпринимать попытки избавиться от "позорного пятна", связанного с их пребыванием в германском плену. Одним из проявлений этого стремления видится строгое соблюдение военной иерархии и более ревностное отношение к понятию "чести русского офицера", для защиты которой в лагерях создавались товарищеские суды под председательством старшего по званию. Консервация излишних в условиях жизни в лагере норм военного этикета стала своеобразным защитным механизмом и способом бегства от шокирующей действительности. К примеру, поводом для разбирательства в лагерном суде чести стало поведение одного из офицеров, взявшего картофель из общей тарелки личной вилкой, что было расценено как нанесение оскорбления товарищам. Распространенной темой судебных заседаний были нарушение субординации, принижение достоинства русского офицера в глазах пленных союзников или лагерной комендатуры. В качестве возможной формы восстановления офицерской чести суды признавали дуэль. Протоколы заседаний тщательно сохранялись до возвращения в Россию. Кроме того, старшими офицерами по лагерю регулярно составлялись докладные записки начальнику Генерального Штаба⁶⁰.

Однако такое подчеркнуто традиционалистское соблюдение "офицерского кодекса" в условиях лагеря продолжалось лишь до Февральской революции в России, которая была воспринята многими офицерами как исчезновение надежды на возвращение к привычной жизни и стала катализатором ускоренной трансформации и деградации поведенческих норм. Протоколы комитетов большинства офицерских лагерей свидетельствуют, что "на сообщения о волнениях в Петрограде... реагировали всеобщим возбуждением, собирались и обсуждали эти события"⁶¹. У многих пленных офицеров известие об отречении монарха от престола вызвало блокирующую реакцию, стремление найти и наказать виновных. Произносились воззвания против студентов и немецких шпионов, в некоторых лагерях дело дошло до потасовок⁶². Большинство военнопленных офицеров впало в апатию, перестало заниматься изучением языков, следить за чистотой в бараках и в лагере. Очень быстро в этой среде распространились типы поведения, которые были прежде характерны только для пленной солдатской массы: воровство столовых приборов, недозволенные комендатурой прогулки в город, самовольное распределение обмундирования⁶³.

Военнопленные генералы русской армии еще во время пребывания в плену активно пытались выработать объясняющие конструкции для оправдания своего поражения. Об этом свидетельствуют результаты обысков в саксонских лагерях, где содержались многие генералы, попавшие в плен под Танненбергом. В ходе досмотра комнат у многих офицеров были в значительном количестве обнаружены немецкие издания, анализировавшие русскую операцию 1914 г. в Восточной Пруссии и причины ее неудачи⁶⁴. Протоколы опросов, проводившихся немецкими ведомствами среди пленных русских генералов, раскрывали выработанные в плену или заимствованные из России образцы толкования этих событий. Первоначально главной причиной поражения генералы 2-й русской армии называли спешку при мобилизации и продвижении войск вглубь Германии, а также бездействие Неманской армии генерала П.К. Ренненкампа после первых успешных столкновений с противником. Через некоторое время была сформулирована более значимая моральная трактовка – долг союзнической верности. Пленные генералы 2-й армии акцентировали внимание на том, что ускоренное в интересах

⁶⁰ ГАРФ, ф. 9488, оп. 1, д. 56, л. 5, 6, 17, 23; д. 58, л. 12, 25.

⁶¹ Там же, д. 58, л. 4.

⁶² Там же, л. 2.

⁶³ Там же, д. 129, л. 11, 12–19.

⁶⁴ Stellvert. Generalkommando, Nr. 824. – SächsHSta, 11352.

Франции наступление русских войск привело к нехватке у русской армии вооружения в решающем сражении. По их мнению, именно это самопожертвование в Восточной Пруссии спасло Париж. Еще одним объяснением, оправдывавшим свое поражение, стало возвеличивание противника, стратегия которого поставила русскую Наревскую армию на грань гибели. Естественно, на последнее объяснение наложило свой отпечаток преобладающее в немецкой литературе восхищение полководческими талантами "спасителей Восточной Пруссии".

Сообщения немецких офицеров разведки из лагерей военнопленных позволяют реконструировать настроения пленных генералов их позицию относительно других тем. На интересующий немцев вопрос о революционных настроениях среди солдат генералы в 1915 г. высказывались весьма консервативно: армия в целом верна царю и речи о революции в России быть не может. Командир 13-го АК Ключев пытался в ходе подобных опросов улучшить свое реноме в глазах противника, заверяя, что лично он всеми силами старался предотвратить грабеж в Восточной Пруссии⁶⁵.

СУДЬБЫ ГЕНЕРАЛОВ ПОСЛЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ИЗ ПЛЕНА

Досрочное окончание войны на Восточном фронте вследствие подписания 3 марта 1918 г. Брест-Литовского мира между Советской Россией и Германией не принесло военнопленным быстрого освобождения и возвращения на родину. Их репатриация стала предметом сложной игры различных политических сил Германии, Советской России, антибольшевистских правительств и стран Антанты и затянулась до 1922 г. Отправка в Россию военнопленных генералов русской армии не стала предметом особых соглашений между Россией и Германией. Она регулировалась несколькими документами.

В соглашении от 25 января 1918 г. Германия и Советская Россия договорились о первоочередности репатриации всех раненых и больных военнопленных без различия чина (должности) или служебного положения⁶⁶. Предположительно, в соответствии с этим соглашением в Советскую Россию в начале 1918 г. в качестве инвалида был отправлен генерал Мартос. Германо-русский дополнительный договор от 3 марта 1918 г. установил основополагающий принцип репатриации, по которому военнопленные, с разрешения взявшей их в плен страны, могли по своему желанию остаться на ее территории или отправиться в любое другое государство⁶⁷. К примеру, генералы Зелинский и Чеботарев, согласно своим политическим убеждениям, были направлены на Украину в состав гетманской армии⁶⁸.

Советско-германские переговоры по порядку обмена пригодных к службе военнопленных затянулись вплоть до июня 1918 г., так как немецкая сторона, учитывая перспективу продолжения войны на Западе, пыталась всеми средствами удержать в стране рабочую силу, необходимую для нормального функционирования германской экономики. Несмотря на сопротивление советской делегации, в договор был вписан принцип обмена "один на один, чин на чин"⁶⁹, что затягивало репатриацию русских военнопленных на неопределенный срок и лишало правительство Советской России инструмента давления на Германию. Ситуация с репатриацией полностью изменилась после заключения перемирия на Западном фронте. Из важного фактора германской военной экономики военнопленные превратились в ненужный балласт, от которого следовало быстрее избавиться.

⁶⁵ Stellvert. Generalkommando, Nr. 157. – Ibid., 11348.

⁶⁶ Документы внешней политики СССР, т. 1. М., 1957, с. 639.

⁶⁷ Там же, с. 174–175.

⁶⁸ Оба генерала затем участвовали в антибольшевистских формированиях на юге России. Чеботарев умер от тифа в Новороссийске в 1920 г. – Волков С.В. Энциклопедия гражданской войны, с. 209–210, 611.

⁶⁹ Документы внешней политики, с. 679–680.

Военнопленные генералы, наряду с другими офицерами, оказались объектом пропагандистского воздействия как советского правительства, так и антибольшевистских сил. И "красные" и "белые" пытались привлечь профессиональных военных на свою сторону для участия в гражданской войне. Большевики распространяли в лагерях "Воззвание ко всем офицерам, где бы они не находились", подписанное А.А. Брусиловым и другими генералами старой армии. Антибольшевистская сторона в качестве ответа на этот документ сформировала в Берлине Попечительское бюро для русских офицеров, которое активно агитировало за вступление в ряды Добровольческой армии⁷⁰.

Слухи о расстреле большевиками офицеров старой армии подтолкнули генералов либо к отказу от возвращения в Советскую Россию, либо к участию в гражданской войне на стороне "белых" формирований. В декабре 1917 г. в адрес баварского военного министерства поступило прошение генерала Аксенова остаться в Германии после освобождения из плена. Генерал отмечал, что политические изменения в России произвели на него негативное впечатление. Аксенов опасался, что на родине на него могли донести за ярко выраженные монархические настроения, поэтому возвращаться туда он не хотел ни при каких условиях⁷¹. Хотя Аксенов стал одним из командиров антибольшевистского Северного фронта⁷², желание не участвовать в гражданской войне имели многие бывшие военнопленные русские генералы⁷³.

По данным статистики на октябрь 1919 г. из плена в Советскую Россию вернулось 4 генерала⁷⁴. Факт перехода на сторону большевиков достоверно удалось установить в случае двух бывших пленных генералов – фон Кольшмидта и К.Я. Шемякина, добровольно вступивших в 1918 г. в Красную армию. Кольшмидт с 8 декабря 1919 г. был преподавателем курских пехотных курсов, с 1921 г. – начальником учебной части. Шемякин с 1 ноября 1918 г. занимал должность начальника административного моботдела Тульского губкомиссариата по военным делам, затем он стал начальником тульской пехотной школы, а в 1919 г. – тульским губвоенруком⁷⁵.

Значительно больше бывших военнопленных генералов перешло на сторону антибольшевистских формирований. В Добровольческой армии и Вооруженных силах Юга России сражались генералы Глобачев, де Витт, Джонсон, Массалитинов, Розеншильд-Паулин, фон Юрковский⁷⁶. Показательно, что генерал Джонсон покончил жизнь самоубийством в окружении под Борисоглебском, по всей видимости, не желая вторично пережить плен, теперь уже большевистский. Одиссею на пути в Добровольческую армию пришлось пережить генералу Мартосу. После пребывания в госпиталях Мценска и Москвы, он по признаку рождения был отослан советскими органами на Украину. В Киеве сторонники гетмана Скоропадского сочли его большевистским шпионом и заключили в тюрьму. Только к 1919 г. бывший командующий 15-м АК сумел добраться в армию Деникина⁷⁷. Отправленные из Германии через Данию генералы Ключев и Мальм вступили в войска Северного фронта. На востоке в армии адмира-

⁷⁰ Baur J. Zwischen "Roten" und "Weissen". Russische Kriegsgefangene in Deutschland nach 1918. – Russische Emigration in Deutschland 1918 bis 1941: Leben im europäischen Bürgerkrieg. Hrsg. K. Schlögel. Berlin, 1995, S. 106.

⁷¹ Lager Marienburg, 16.12.1917. – BayHStA, M Kr., Nr. 1691.

⁷² С 1919 по 1920 г. генерал Аксенов находился в штабе Главнокомандующего войсками Северной области. – Волков С.В. Энциклопедия гражданской войны, с. 10.

⁷³ В одной из первых работ о судьбе русского офицерства после Октябрьской революции А.Г. Кавтарадзе отмечал, что 30% офицеров старой армии не примкнули ни к одному из лагерей гражданской войны. – Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов 1917–1920 гг. М., 1988.

⁷⁴ РГВА, ф. 65, оп. 5, д. 264, л. 1–10.

⁷⁵ Список лиц с высшим военным образованием, состоящих на службе в РККА, с. 111, 251.

⁷⁶ Волков С.В. Энциклопедия гражданской войны, с. 78, 133, 160–161, 330, 465, 654. Данные по Розеншильд-Паулину см. Рутыч Н. Указ. соч., с. 206.

⁷⁷ Рутыч Н. Указ. соч., с. 145.

ла Колчака сражался А.Я. Усачев. Генерал Холмсен оставался после освобождения из плена в Европе, где при союзных военных комиссиях представлял интересы антибольшевистских правительств⁷⁸. Г.П. Гаттенберг в качестве уполномоченного Колчака руководил на юге набором офицеров в сибирскую армию. В 1920 г., находясь во главе 2-го Марковского полка, он был смертельно ранен в ходе боевых действий в Крыму⁷⁹.

Видную роль бывшие военнопленные генералы сыграли в истории русской военной эмиграции. Массалитинов некоторое время возглавлял отдел Общества господ офицеров лейб-гвардейской 1-й артиллерийской бригады в Югославии. Усачев, эмигрировавший в Китай, занимал должность начальника 2-го участка внутренней охраны КВЖД, затем работал в Северо-маньчжурском университете. Глобачев возглавлял Союз инвалидов в Берлине, а с 1935 г. являлся начальником отдела Русского общевойскового союза (РОВС) в Германии. Значительный вклад в деятельность РОВС в Париже внес И.А. Хольмсен, занимавший должность начальника 1-го отдела, затем главного казначея и генерала для поручений при председателе РОВС. Его перу принадлежат статьи в журнале "Часовой", а также две книги по истории Первой мировой войны⁸⁰. Мартос и Розеншильд-Паулин работали чиновниками военного министерства в Королевстве сербов, хорватов и словенцев. Розеншильд-Паулин опубликовал в эмиграции статьи по истории военных действий русских армий в Восточной Пруссии⁸¹.

Таким образом, содержание и поведение военнопленных генералов русской армии в Германии во время Первой мировой войны находилось под значительным влиянием традиций предыдущей эпохи. К ним немцы относились с большим почтением, чем к другим пленным; сохранялся институт "честного слова офицера"; к ним не применялись "репрессивные мероприятия"; предоставлялись единичные возможности свиданий с родственниками.

В отношении русских генералов Германия соблюдала нормы международного гуманитарного права и стремилась поддерживать образ страны, выполняющей интернациональные договоренности. Позиция российских военных ведомств, негласно отнесших военнопленных к категории предателей, наложила существенный отпечаток на переживание генералами ситуации плена и выработку моделей поведения. Попыткой самооправдания за "бездействие в плену" выглядит вступление многих из них в антибольшевистские формирования во время гражданской войны в России. Однако значительная часть переживших германский плен бывших царских генералов во время гражданской войны не присоединилась ни к "красным" ни к "белым" и предпочла вообще не возвращаться в Россию.

⁷⁸ Волков С.В. Энциклопедия гражданской войны, с. 250, 321, 586, 604.

⁷⁹ Волков Е.В., Егоров Н.Д., Купцов И.В. Указ. соч., с. 73–74.

⁸⁰ Хольмсен И.А. Мировая война. Наши операции на Восточно-Прусском фронте зимой 1915 г. Воспоминания и мысли. Париж, 1935; *его же*. На военной службе в России. Нью-Йорк, 1953.

⁸¹ Розеншильд-Паулин А.Н. Роковой год. – Информационный еженедельник, № 69, Белград, 1923; *его же*. Гибель XX армейского корпуса в Августовских лесах. – Военный сборник, кн. 5. Белград, 1924.